

**АЛЕКСЕЙ
БОНДАРЕНКО**

**СТЫНЬ НЕБА
ОСЕННЕГО**

Алексей Бондаренко
Стынь неба осеннего

Издательство "Руда"

2019

ББК 84(2Рос=Рус)

Бондаренко А. М.

Стынь неба осеннего / А. М. Бондаренко — Издательство "Руда",
2019

ISBN 978-5-6042339-6-2

«В середине января, когда в тайге еще лютовали крещенские морозы, в берлоге родились медвежата. Этой минуты с тревогой ждала старая медведица, готовилась долго. Еще в начале нового года она повелительным рыком загнала пестуна на припечек – нишу, вырытую с умыслом в глубине берлоги. Медведю-подростку не хотелось покидать нагретого места. Но упрямитесь не приходилось – мать была неумолима. Пестун хорошо чувствовал ее пронзительный взгляд. Старая медведица не только ласкала и защищала его, но и за непослушание могла и строго наказывать. Шлепки ее больших лап были сильными...»

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-6042339-6-2

© Бондаренко А. М., 2019
© Издательство "Руда", 2019

Содержание

Стынь неба осеннего	6
Глава I. Под кедровой выскорью	6
Глава II. Апрель – месяц талой воды	9
Глава III. На солнцепеке	13
Глава IV. Привидение	17
Глава V. Непрошенный гость	23
Глава VI. В разложье Сочура	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Алексей Бондаренко

Стынь неба осеннего

© Бондаренко А. М., 2019

* * *

Стынь неба осеннего

Глава I. Под кедровой выскорью

В середине января, когда в тайге еще лютовали крещенские морозы, в берлоге родились медвежата.

Этой минуты с тревогой ждала старая медведица, готовилась долго. Еще в начале нового года она повелительным рыком загнала пестуна на припечек – нишу, вырытую с умыслом в глубине берлоги. Медведю-подростку не хотелось покидать нагретого места. Но упрямиться не приходилось – мать была неумолима. Пестун хорошо чувствовал ее пронзительный взгляд. Старая медведица не только ласкала и защищала его, но и за непослушание могла и строго наказывать. Шлепки ее больших лап были сильными.

Полусонная дрема покинула медведицу. Она убрала с сухой подстилки сырые комья земли, обвалившиеся с потолка берлоги, аккуратно выщипала вокруг сосков длинные волосы. А когда медвежата родились, то облизала их и придвинула поближе к груди. Затем устало откинулась на мягкой подстилке. Измученная и обессиленная, она, полузакрыв глаза, долгое время лежала, не шелохнувшись, набираясь сил.

В берлоге было темно. Свет уже давно не проникал сквозь вход – чело, хорошо замаскированное осенью. Медвежье убежище даже по чернотропью надежно прикрывала кедровая выскоря. Теперь берлогу давно привалило снегами, частыми метелями напрочь сровняло с землей – даже самый зоркий глаз охотника едва ли мог обнаружить ее.

Старая опытная медведица умела выбирать место для зимовки. Ей нравилась берлога под кедровой выскорью: осенью скребла ее, чистила, заменяла подстилку. Удачно выбранное место на пригорке с челом на север долго не могло прогреть солнце и подточить вешние воды. Кедровую выскоря надежно окружала темная таежка – через густой мелкий пихтач, казалось, не могла прошмыгнуть даже мышь. Здесь всегда царили полумрак и непуганый покой.

Медведица с середины октября и до рождения малышей спала, скупко расходуя нагулянный летом жир. Но, тем не менее, здесь, в берлоге, безошибочно определяла перемены погоды, внутренним чутьем угадывала смену дня и ночи. Даже в полусне слышала, как наверху начинали поскрипывать деревья – признак долгой северной пурги. Безжалостные ветры не один день в ярости бились о землю, корежили и ломали перестойный лес, метались по тайге, с ожесточением качали сосновые стройные леса на крутых угорях. Не один день дуревшая пурга в одночасье затихала. За ней приходили сильные морозы.

Внешняя жизнь тайги постепенно отошла в сторону. Умудренная жизнью медведица спокойна: ее малышам пока не грозит беда.

Медвежата копошились под брюхом матери, издавая чуть уловимые звуки. Медведица ощущала приятное младенческое тепло, ласкала живые слепые существа. Здесь мать спокойна и за себя, и за малышей. Она знает, что непомерно тяжелое время впереди, когда выведет малышей из берлоги.

Самый маленький медвежонок, величиной с рукавичку, издавал хриплые гортанные звуки: «Мо! Мо!» Другой подвывал: «Бэр! Бэр!»

Мать поняла, что малышам что-то тревожит, но сейчас ей не только успокаивать их, но даже шевелиться не хотелось. Она будто издалека услышала, а больше почувствовала, как медвежата отползли к отвесной стене берлоги, снова вернулись на старое место, неловко касаясь ее тела. Бэр без конца тыкался ей в морду, затем отполз, отыскав сосок, стал с наслаждением чмокать мокрым ртом. Мо беспокойно возилась между отвесной стеной и матерью, хныкая,

как ребенок, и, завалившись на спину, никак не могла найти опору. Наконец, с трудом перевернувшись, стала слюнявить пятку матери.

Бестолковая возня малышей стала раздражать медведицу. Она издала приглушенный повелительный хрип, подтолкнула их лапой к соскам. Сама снова блаженно откинула голову.

Старой медведице не впервые воспитывать малышей. Она уже не помнила, сколько их было за ее долгую жизнь. Медвежата подрастали, проводили лето и другую зиму с ней, а на третий год, окрепнув телом, уходили в самостоятельную жизнь. В жестоких схватках с ровесниками они отвоевывали себе место в жизни, участок леса, на котором были полноправными хозяевами. Правда, не все они выживали: одни, возмужавшие, дрались насмерть за продолжение рода, падая замертво, как подкошенная трава, другие заживо сгорели в огневищах беспощадных пожаров, третьи попали под ружье человека. Каждого из них любила медведица. Хорошо помнила она значимые события в жизни, которые крепко отложились в ее памяти. За два десятка лет она знала немало удач, но были и поражения. По-особому трепетно ждала она июль. Бывало и такое, что в пору любовных страстей вдруг теряла она любимого ею самца-медведя. Гонимая стихией, не раз в отчаяние покидала обжитые места.

Страшен в лесу лиходей-голод. В пору цветения ягодников, как снег на голову приходят в тайгу весенние заморозки. Без ягод пустеют леса, они становятся сиротливыми, неприглядными, пустыми. В поисках корма срываются с мест оседлые птицы. Следом кочуют звери. Медведи, рискуя, приближаются к человеческому жилью.

Все испытала старая медведица. Но после бесконечных скитаний всякий раз поздней осенью она возвращалась в свои родные места, где давала жизнь детенышам. Отыскав кедровый выворотень, она выпускала когти и ежегодно подправляла на уцелевших деревьях меркнувшие метки, что означало: земля моя. Никто не смел ступить на ее территорию. Затем она готовилась к зиме.

Жиру медведица нагуливала всегда вдоволь. И, уверенная в завтрашнем дне, спокойно ложилась в надежное убежище, защищенное от зоркого человеческого глаза, морозов и оттепелей густым пихтачом. Очнувшись в январе от сна, инертная, каждый год с нетерпением ждала рождения медвежат, когда снова выведет в тайгу детей и будет терпеливо обучать их науке выживания.

Старая медведица устало закрыла глаза, быстро погрузилась в сон. Она спокойна – малыши рядом. Можно расслабиться и даже понежиться на мягкой подстилке.

К вечеру крепкий мороз сменился пургой. В тайге сквозил пронзительный ветер. Большие спрессованные комья снега падали с деревьев на землю, на берлогу, сотрясая кедровую выскорь.

Медвежата жались к матери – рядом с ней тепло и уютно. Но она словно не замечала их. Только к вечеру осторожно придвинула малышей к себе, обняла лапой, стала облизывать, наслаждаясь неповторимым младенческим запахом, смешанным с запахом ее молока. Медвежата были до того маленькими и беспомощными, что она боялась лишний раз пошевелиться. Они издавали еле слышимые звуки, похожие на воркование дикого голубя, жадно, с удовольствием высасывали из набухших черных сосков жирное молоко. Насытившись, затихали, прижимаясь к матери.

За долгую зиму притупившийся слух медведицы постепенно начал обостряться, улавливая даже ничтожные звуки не только в берлоге, но и там, в лесу, окружившим плотным кольцом медвежье жильё.

После метелей в северную тайгу сразу же приходят оттепели. Лес не шумит. Сиротливо щебечут голодные синицы и снегири, летая по тайге в поисках пищи. Гортанно и гнусаво вопрошает желна: «Клюэ... Клюэ...» Ее противный отрывистый крик раздражает старую медведицу. Этот, казалось бы, встревоженный возглас никогда ей ни о чем не говорит. Клюэ кричала от радости, когда находила под корой сухого дерева жирную личинку. Она орала и тогда, когда

филин Уху, живший рядом, пролетал мимо. А то и вовсе кричала попусту, когда мчалась от дерева к дереву, кричала во всю мочь, лишь бы не молчать. Медведица знала, что желна опасности ни ей, ни ее малышам не доставляет, но бестолковая птица, которая даже не может известить ее о беде, раздражала ее...

Шло время. Наверху под лапами зайцев иногда похрустывал снег. В трескучие морозы косые проложили тропу через берлогу к ближнему осиннику. Они без конца носились взад-вперед по тропе, а то и вовсе, позабыв про хваткие когти Уху, затевали возню на берлоге. И этот громкий, будто лошадиный, топот гулко отдавался в голове медведицы, докучал ей.

В последнее время хорошо было в берлоге лишь тогда, когда в тайге завывали метели. Однотонно скрипели деревья. Под свист ветра, стон леса медведица словно проваливалась в яму, закрывала глаза, не в силах справиться с дремой. Но она каждым нервом, каждой шерстинкой чувствовала медвежат, беспокойных, нетерпеливых.

Как-то в берлогу сыпанул снег. Вместе со снегом появилось и исчезло большое острое копыто. Это провалился лось-великан. Лишь его быстрая реакция спасла медвежат от неминуемой смерти.

Он, спасаясь от преследования, огромным прыжком перемахнул через кедровую выскорь. Случайно оказавшись на берлоге, лось, как шилом, проткнул острым копытом тонкий, непрочный слой земли, чуть подмерзший под толщей снега. Но в стремительном беге, быстро выдернув застрявшую ногу, качнулся вперед и сделал мощный прыжок. Медведица вскоре услышала, как громко скрипя креплением лыж, чуть в стороне от берлоги пробежал за лосем охотник.

Яркий дневной свет ослепил медведицу. Она встревожилась. Вместе со светом в берлогу ворвался и колючий холод. Слепые медвежата беспокойно завозились. Их спины и мордочки были в снегу. Зашевелился на припечке пестун. Приподняв морду, он сонно посмотрел на мать и, успокоившись, снова прикрыл глаза, блаженно растянулся на мягкой подстилке.

Старая медведица быстро отодвинула малышей в сторону, с силой выдернула из-под себя внушительный клок мха, заткнула им зияющее отверстие. Она знала, что до теплых благодатных дней еще далеко и нельзя открывать берлогу. Но придет то желанное время, когда она незамеченной выйдет из теплого убежища и обязательно расправится со всеми обидчиками, которые не давали ей зимой покоя.

Медведица снова прикрыла глаза. На нее навалился сон, и она уже была во власти блаженства. Долго зевая, в забытьи уронила на подстилку голову...

Глава II. Апрель – месяц талой воды

День за днем шли долгие зимние месяцы. Медвежата подрастали. К апрелю они уже были больше домашнего кота – их гладкая блестящая шерстка менялась, пушилась, обретала свой окрас, медвежий. Они мало-помалу стали понимать мать. Проголодавшись, хныкали, как малые дети. Старая медведица тихим урчанием давала им условные знаки, заставляя искать соски.

Медвежата давно прозрели, но еще плохо ориентировались в темной берлоге. Все делали интуитивно. Отталкивая друг друга от сосков, они спинами упирались в отвесную стену, а то взбирались на припечек, будили пестуна. Тот недовольно ворочался, но под недоброе урчание матери смирился, забиваясь поглубже в угол.

Старая медведица чувствовала, что жир, накопленный летом для зимовки, у нее на исходе. Если весна затянется, то плохо будет не только ей, но и малышам. По времени она знала, что пора открывать берлогу, но ее еще пугали слабые заморозки по утрам, редкие, но сильные ветры – значит, не пришла пора, когда можно спокойно вздохнуть всей грудью дурманящий, настоящий на хвое воздух. Пугала ее и тайга. Медведи-самцы поднимаются рано. В поисках пищи они, голодные, рыскают по лесу. Ранней весной медведи безжалостны и злы, нет пощады слабым.

С приближением апреля пестун все чаще ворочался на припечке, напоминая матери о воле.

По-настоящему весна разгулялась только в середине апреля. Она разом словно сдвинулась с места, неудержимо понеслась по полям и лесам, расплавляя сильным солнцем метровые снега. Снег темнел, оседая на мерзлую землю. По склонам кедровой пади понеслись ручьи. И чувствительное тепло в берлоге, и неудержимый говор ручьев, и легкий умиротворенный шум леса, и бесперебойное щебетание оживших птиц – все говорило о том, что пришла весна, светлая, бурная. Медведице ничего не стояло выбить сильным толчком лапы плотную смерзшуюся затычку у чела, сделанную ею же самой – соорудила она ее осенью из хвойных концов пихтовых лапок, травы и мха, перемешала с мокрой землей. Морозы скрутили затычку.

Медведицей руководило неумное желание выбраться наружу, но, вспомнив про малышей, она каждый раз с трудом подавляла в себе это возрастающее чувство. Медвежата посапывали рядом, живые, теплые комочки, придавая ей уверенность и силы. Старая медведица по опыту знала, что чем дольше она отодвинет время в берлоге, тем больше надежды сохранить семейство от лютых врагов. Незаметно в тайгу придут теплые дни, а с ними появится первая сочная зелень. Голодные звери с жадностью набросятся на траву. А пока – берлога ее спасение.

У старой медведицы скоро появятся новые заботы. Но вместе с ними наступит полнокровная лесная жизнь, которую она трепетно ждет, особенно последние дни. Та минута, когда она выберется на свет, всегда была нелегкой. Именно с этого часа ее жизнь приобретет новый смысл, станет нелегкой и опасной. На каждом шагу малышей будет подстерегать опасность. Это медведица хорошо знала.

Маленький, неприметный с первого взгляда ручеек, родившийся в кедровой пади весенним днем, робко пробился через толщу снега и, набирая силу, покатился вниз. Почти в конце пути он отбросил отрукавок, который задержался на берлоге, потянулся к отверстию, оставленному зимой лосем.

На другой день солнце припекло сильнее. Ему старательно помогал подтачивать ноздреватые снега юго-западный ветерок. С бугристых круч, склонов и угоров в низину неудержимо понеслись бурные потоки мутной воды. Но глухую таежку весна еще по-настоящему не тронула. Сюда скупо проникали острые лучи весеннего солнца. Но, тем не менее, схваченные ночными заморозками снега к полудню слабели, и маленький ручеек у медвежьей берлоги

набирал силу. Он все настойчивее искал себе русло. Переломившись на осклизлой валежине, он ненадолго задержался на берлоге, и бойко зажурчал, спадая вниз.

Старая медведица почувствовала талую воду. Сначала маленькая капелька звонко упала сверху, другая, побольше, задела по носу, обжигая холодом. Вскоре сверху закапало сильнее. Медведица когтями стала рвать смерзшуюся затычку, которая пристала к стенкам чела и плохо поддавалась. Звериная ярость копилась в медведице. Ее потертые, надломленные когти беспощадно срывались с ледяного края чела. Она рычала, хрипела, тянула ком на себя и, уже расшвиравшись, с силой толкнула его наружу. Затычка упала в ручей, перегородив ему ход. Вода сильнее заструилась в берлогу.

Яркий свет ослепил глаза медведицы. Она закрыла их и лежала так некоторое время, не шевелясь. Бойкая вода мокрила подстилку. Медвежата боязливо жались к матери. Они совершенно не понимали происходящего. Особенно плохо было маленькой Мо. Она боялась и тряслась, издавая протяжные звуки. Мо теснила брата, плотнее прижималась к матери.

Старая медведица подняла голову – снова перед собой ничего не увидела. Затем пошевелилась и, опершись на передние лапы, попыталась подняться. Но ноги не держали, подкосились, и она, пересиливая себя, успокоив в теле дрожь, опустилась на подстилку. Она была еще слаба. Немного отдохнув, медленно поднялась, опасливо высунула голову из берлоги. Ожившая таежка преобразовалась. Ветром покачивало посвежевшие хвойные лапы. Чуть в стороне, за кедровым выворотнем, устроилась на сушине крикливая желна Ключоэ. На разлапистый кедр, цокая, прыгнула испуганная белка. На ветках березы выписывали замысловатые кренделя синички-гаечки. Они беспрестанно щебетали, прихорашивались, роняя яркие перышки на землю. Рядом на стволе той же березы кувыркался неумный поползень. В кедровой пади задорно насвистывал рябчик. Перед самой берлогой расплылась на солнцепеке, как шаньга, заячья тропа. Сорванные ветром и втаившие в снег хвоя, шишки, сучья, прошлогодние листья пестрили полянку. Все это старая медведица выхватила обывшими к свету глазами. Заметила она и то, что в лесу бурелома стало гораздо больше, чем было осенью. Покореженный ветровалою лес лежал на земле мертвой грудой. Рядом с берлогой стоял одинокий приземистый кедр, ободранной корой сиротливо смотрел на мир. Это могучий великан лось Хрип, видно, в декабре, сбрасывая рога, успокаивал зуд. Припорошенные снегом рога лежали тут же, под кедром. Восемь острых отростков, точно крепкие сучья, были угрожающе направлены на берлогу. Медведица знала их силу, но теперь они мало интересовали ее. Она давным-давно знала Храпа по его хриплому, трескучему реву во время гона. Но и могучий лось-рогач знал ее, Зеву. У корней кедра темнела первая проталинка. Здесь уже приподнялся свежезеленеющий брусничник. Жухлые прошлогодние ягодки, как огоньки рдели на снегу. Дальше лежала желтеющая вершина кедра. Еще осенью она ее обломала, добывая шишки.

Обзор Зевы был довольно ограничен. Она увидела и заметила все, что предстало у нее перед глазами, а за ее спиной, за кедровой выскорью, была другая жизнь, неизвестная еще пока.

Когда в лесу захлопали сильные крылья, медведица стремительно и бесшумно исчезла в берлоге. Там она еще немного полежала, прислушиваясь. Шум крыльев больше не повторился. Зева поняла, что ее напугал старый краснобровый глухарь. Он каждое утро ранней весной в брачной истоме задорно шелкал клювом, издавая внушительное звучание: «Ка-ду, ка-ду», и потом его старческий скрип сливался в короткую трель. Каду еще молодым петухом облюбовал эту таежку. За последние годы он сильно постарел. Беловатый клюв его потемнел, и сам он весь огруз, стал неповоротлив. Но весной, к концу апреля, глухарь Каду вдруг неузнаваемо преобразался. Старость будто бы на время отступала. Зева вспомнила старого глухаря и приняла его соседство естественным.

Жизнь в таежке шла своим чередом. Медведица прислушалась. А когда высунула голову из берлоги в другой раз, то увидела противоположную кромку болота, в дымке зубчатый лес, голубоватый окраек неба. Какая-то неподвластная сила потянула ее в тайгу.

Зева вышла из берлоги. Темно-бурая шерсть, клочьями закатавшаяся вперемешку с землей, отвисла на впалых боках. Хребтина выперла. Морда удлинилась. Она не походила на ту грозную хозяйку таежки, какой ее знали звери и птицы летом.

Затекшие лапы ослабли. После долгой зимы она будто вновь училась ходить. Каждый шаг ей давался с великим трудом, но она терпела. Зева остановилась. В тайге шла бойкая весенняя работа Природы. Успокоившись, лениво зевнула.

– Крэк... крэк, – отрывисто и громко раздалось рядом. Это черный ворон сидел на вершине высокой ели и обрадовано извещал о пришедшей весне, настоящей, бурной. Зычным голосом поприветствовал он и медведицу. Крэк помогал ей в голодную пору отыскивать падаль. Он не раз находил погибшего лося, и тотчас же по всему лесу несло возбужденное: «Крэк!» Медведица всегда торопилась на приглашение друга и никогда не ошибалась.

Выражая радость, Зева отряхнулась.

– Крэк, – крикнул ворон, поглядывая вниз.

– Ба-а-а, – глухо ответила Зева, приветствуя птицу.

Принюхиваясь и прислушиваясь, медведица осторожно внимала тайгу. Наст хорошо держал, и она, обойдя вокруг кедровую выскорь, вернулась к берлоге. Заглянула внутрь. Медвежата смирно лежали, прижимаясь друг к другу. Увидев мать, малыши вскинулись. Мать, убедительно фыркнув, заставила их вернуться на нагретое место. С припечка, сверкая острыми глазами, поглядывал пестун. Он понимал мать и не смел шевельнуться.

Зева заломила низкорослую пихтушку, прикрыла ею чело берлоги. Затем задала круг и, не обнаружив опасности, пошла к болоту. Ее лапы глубоко вдавливались в наст, оставляя от пяток вмятины на подтаявшем снегу.

Кромкой болота убежал вглубь тайги охотничий путик. Летом Зева часто ходила по нему, возвращаясь с охоты. Она привыкла к палкам, наискось прибитым к деревьям, к крышкам над ними. На концах палок болтались капканы. Когда-то запах железа тревожил ее, но с годами она привыкла и к нему. Железо встречалось повсюду: в тайге, на овсах, у скотных дворов. Брошенные трактора, ржавые танкетки зывали о помощи. Техника чаще всего встречалась на геологических профилях. И не было колхозного поля, на котором бы медведица не видела искореженные комбайны, жатки, плуги и бороны. Привыкнув к запаху металла, со временем она перестала обращать на него внимание.

По путику тянулась горбатая подтаявшая лыжня. Под пихтовой крышкой на проволоке ветер шевелил привязанную яркую кукшу, с опаской подошла к ней. Обветренная кукша уже не имела запаха. Поднявшись на задние лапы, медведица обнюхала приманку и, сдернув ее, брезгливо швырнула на землю.

У болота на толстой пихте виднелась метка ее когтей.

На таежных полянках сильно припекало солнце. Веселее журчали ручьи. От набухшего снега большое болото покрылось темными плешинами.

Зева, неслышно ступая, прошла вдоль путика, углубляясь в таежку, и оттуда вернулась к берлоге. Ворон Крэк сопровождал ее, горлая на весь лес.

Медведица, зевнув, щелкнула зубами, мол, отстань, и принялась ломать густые пихтовые лапы. Легко обрусив молодняк, она притащила хвойные лапки к берлоге, сделала подстилку и, потоптавшись на ней, вернулась к челу. Небрежно откинув пихтушку, снова заглянула в берлогу. Там копилась вода. Медвежата, похныкивая, поджидали мать. Пестун ловил каждое ее движение.

Зева, фыркнув, позвала: «Фу-у-ур». Пестун понял знак: пора наверх. Ловко соскользнув с припечка, он опрометью кинулся на волю. Но мать, загородив собой выход, вернула его, издавая пронзительный глухой звук: «Хэ-э-э...»

Фур не сразу понял, что от него требуется. Но пронзительный взгляд матери произвольно заставил толкнуть мокрых от воды медвежат к челу. Довольная медведица отошла в

сторону, а когда медвежата очутились рядом, она повела их на свежую подстилку. Крупный черный нос Зевы, влажный и блестящий, все время шевелился. Уложив медвежат на подстилку, она постояла, поглядывая на берлогу. Пестун, не смея послушаться, оставался там.

Зева опять заглянула в чело и, широко разинув пасть, показав желтые стертые клыки, издала глухой повелительный звук: «Фу-ур». Пестун пробкой вылетел из берлоги.

Трусливо озираясь, медвежата жались к матери. Мо беспрестанно вертела головой. Бэр шурился: яркий свет застил глаза. Первое время медвежата ничего не видели. Но темнота медленно отступала, и они впервые, как в тумане, увидели мать, поджарую, высокую. Густая шерсть на крутой холке вымазана землей, но под ней угадывались плотные мускулы. Она внушала им непомерную силу и притягательность.

Медведица удовлетворенно улеглась на приготовленную подстилку. Малыши произвольно придвинулись к ней, зарываясь в длинную шерсть. И горячее солнце, и много света, и слабый теплый ветерок, и неугомонная суета синичек-гаечек, и дробный стук дятла, и пронзительный крик ворона – все для медвежат было новым, необыкновенным, странным. Их настораживал и пугал резкий скрип дерева. Случайно упавшая пихтовая шишка всякий раз заставляла вздрагивать. Пестун Фур лежал поодаль, касаясь носом материнского тела. Он еще боялся тайги. Но старая медведица была спокойна – она наслаждалась жизнью.

Глава III. На солнцепеке

Сочур – река своенравная. Весной разливается широко, беспредельно, скрывая под глубокой водой непроходимые поймы и топкие низины, пригибая и хрястая густые кустарники, подмывая крутые берега с кедровником на них. Поздней осенью и зимой присмирившая и безобидная на первый взгляд река под толщей льда размеренно несет свои воды в Кеть. Но это лишь видимость покоя.

Вблизи крутых огибней и частых заломов стережет случайного путника ли, проходного зверя ли неминуемая беда. В частые оттепели стремительное течение незаметно подтачивает льды, а образовавшиеся скрытые полыньи таят в себе смертельную опасность. Местами Сочур очень глубок.

Ниже зимовья Рогалевского и чуть выше по течению геологических профилей лесные заломы на реке неимоверно высоки. От ветродува палые деревья и кустарники, подхваченные половодьем, несутся в низовье, загромождая реку у заломов, поднимаются вверх и оседают на годы, заиливаясь, обрастая мхом. Мертвы и зловещи заломы. О них спотыкается полноводная река, ревет и зовет на помощь, словно истошным криком исходит в куче хлама, но все же с трудом прорвав, казалось, непреодолимую преграду, образует узкие рукава с галечником и песчаником на берегу. Дальше, вольготно вздохнув всей грудью, Сочур раздается вширь, уверенно несет свои воды. На многие километры по правобережью на север раскинулись старые гари, густо поросшие прутняком. За ними распростерлась темнохвойная тайга, отданная леспромхозам под сплошную рубку.

Потревоженный зверь покинул веками обжитые места. Потесненный человеком, он стал отступать в Кедровую падь, отгороженную от внешнего мира топью и болотами. Спасаясь от цивилизации, идут сюда лоси и медведи, волки и россомахи, бегут соболь и белка, летит боровая птица.

Тихо и покойно здесь.

Время пришло весеннее, пожалуй, самое опасное для медведей и лосей. Медведи выползали из зимних берлог, искали пропитание, были тощи, голодны, злы. По лесам рыскали кроважидные волки. Лоси, изодрав ноги в кровь об острую кромку твердого наста, искали укромные места. Но и это не спасало их.

Медведица Зева грелась на солнце. Оно, большое, яркое, острыми лучами пронзало густую хвою таежки, расплавляло снега, баловало теплом ослабевшее за зиму тело медведицы. Она, распластавшись, ползала брюхом по снегу, перевертывалась на спину и, раскинув лапы, с наслаждением елозила по насту. Прилипшая в берлоге земля с трудом отставала от шерсти.

Пестун Фур старательно разрывал еще мертвый смерзшийся муравейник. Он рвал острыми когтями твердую землю, злился и урчал. Но сколько он не бился, ему не удалось раздобыть вкусных муравьиных яиц.

Первые дни своей жизни на воле медвежата жались к матери, не утихая скулили. Но скоро освоились и даже стали признавать своего старшего брата, пытаясь навязать ему дружбу. Теперь им, жившим на материнском молоке, жизнь представлялась такой благодатной, лучше не придумаешь. Покинув берлогу, они стали намного подвижнее. Неумным родился медвежонок Бэр. Он уже проявлял свой характер. Когда Фур, оставив свое безуспешное занятие с муравьями, нежился на солнце, безвольно откинув на стороны лапы, медвежонок налетел на него и, оседлав сверху, затеял возню. Поначалу пестун артачился и силой заставлял неугомонного Бэра оставить его. Но вскоре стал привыкать к брату и сам, не замечая того, вовлекал его в игры. Как-то, не рассчитав свои силы, он сильно ударил меньшего лапой. Медвежонок, отлетев в сторону, кубарем покатился под косогор. Там, забившись под пихтой, уселся на теплой

проталине, от обиды скулил как щенок. Ушибленное место болело. Бэр царапал его когтями, и боль становилась сильнее. Детский плач перешел в рев.

Отдыхавшая мать быстро поднялась, резво подскочила к обидчику и так поддела его лапой, что тот долго не мог опомниться. Теперь и Фур орал на всю тайгу. Нестерпимая боль и незаслуженная обида жгли его. Крупные слезы катились из глаз. Силу удара матери он знал давно, но такой оплеухи Фур не помнил. Пестун даже не мог предположить, что из-за малышей в семье мог произойти такой скандал. Между тем мать снова подскочила к нему, показывая желтые клыки. На этот раз все обошлось благополучно – она не тронула Фура. Повелительно рыкнув, медведица приказала успокоиться. Пестун, не взглянув на хныкающего брата, послушно поплелся под разлапистый кедр, где лежали лосиные рога, сточенные мышами.

Тайга насторожилась. На березе замерли синички. Желна Клюэ, долбившая рядом сухое дерево, испуганно сорвалась и скрылась в лесу. Чуть шумевшая тайга, казалась, тоже притихла.

Мо трусливо поглядывала на мать. Она с рождения была послушна и деликатна в общении со старшими. Сама игр не навязывала, но с удовольствием принимала их, когда ее приглашали. Особенно ей нравилось барахтаться в обнимку с Бэром. Она была, конечно, слабее брата и всегда оказывалась внизу. Мо не обижалась и, легонько покусывая его, смиренно принимала свое поражение. А когда было невыносимо больно, пускала в ход острые когти. Такое обращение брату не нравилось, и он, опрокинув ее, начинал злиться. Разобраться в сложной ситуации помогала мать. В такие минуты она была неумолима. Мо научилась понимать острый взгляд матери. Она была то неподдельно свирепой, то нежной и ласковой.

Бэр, поднявшись на взгорок, занял свое постоянное место по другую сторону кедра, где лежал обиженный старший брат. Опасливо поглядывая на пестуна, медвежонок присмирел. Мо подошла к нему и тоже улеглась рядом, примирительно жарко дыша ему в морду.

К полудню солнце разошлось. От света резало глаза. Подтачивая снега, шумели ручьи. У каждого дерева окружем, как большие лепехи, расплывались проталины. С южного склона угора уже давно сошел снег. Большая подсыхающая поляна, набирая тепло, парила. Повеселевшие леса вокруг нее стали стройнее, сама Природа была рада весне, солнцу, свету и теплу.

На кедре устроился неугомонный поползень: он то резко взлетал, то подпрыгивая на толстом стволе, вниз головой спускался к комлю. Здесь же, на березе, стоявшей рядом, задорно щебетали синички-гаечки.

Медведица, позевывая, поднялась. В теле чувствовалась слабость. Живот спирало. Она стала тужиться, чтобы освободиться от затвердевшей плотной «пробки», образовавшейся за зиму от отложившихся жировых остатков, которые закупорили прямую кишку. Тело тронули судороги. Чем больше медведица тужилась, тем больше ее корежило. Она испытывала невыносимые муки. Резкая боль раздирала кишечник.

Зева, поднявшись на задние лапы, когтями с остервенением стала рвать кору ели. Злость в ней расходилась и уже не знала предела. Она, не владея собой, ломала подрост, швыряла его налево и направо, ревела на всю округу. Глухое грозное эхо летело над тайгой, замирало ненадолго за дальним болотом.

Медвежата не понимали мать. Прижимаясь к корням кедра, они с недоумением и страхом смотрели на нее, разгневанную, злую. Шерсть на холке матери вздыбилась, крепкие мускулы взбугрились, страшные клыки таили в себе большую беду.

– Крэк-к... крэк-к, – тревожно крикнул старый ворон, разбуженный зверем.

Крэк, сорвавшись с вершины ели, взмыл высоко в небо и, распластав крылья, стал кружить над медвежьим пристанищем.

Зева, оставив на время свое занятие, насторожилась. Она знала, что ворон понапрасну кричать не будет. Может, своим ревом она потревожила лося Хрипа, который в страхе метнулся в самую глушь? Или сторожкие волки выдали себя Крэку?

В эту минуту медведица позабыла о себе. Она посмотрела на медвежат и, увидев их трясущимися, удивилась. Почему они не на дереве? Зева заметила и то, что рядом с малышами не было и пестуна. Тогда она подняла голову и увидела его, затаившегося на вершине разлапистого кедра. Зева сама научила его прятаться в момент опасности. На этот раз она была довольна им.

Теперь Зева, поднявшись на задние лапы, распаяясь в злобе, рвала когтями кору ствола. Пена брызнула у нее изо рта. Малыши по инерции взлетели вверх. Скоро они оказались рядом с Фуром.

Так из года в год в момент опасности старая медведица приучала детей скрываться. Вот и на этот раз первый урок с малышами ей удался. Издав условный сигнал, она, довольная, позвала их обратно. Сообразительный Фур быстро соскользнул на землю. Малыши сидели на кедре ни живы, ни мертвы. Мать снова позвала их. Бэр медленно стал спускаться вниз, а за ним, неумело хватаясь за ствол дерева, неохотно подалась и Мо.

Когда медвежата были уже на земле, подобревшая мать нежно облизала их и, растянувшись на прогретой полянке, позволила насытиться молоком.

В заботах и хлопотах Зева не заметила, как освободилась от мешающей ей «пробки». Желудок очистился от остатков, и она почувствовала большое облегчение. Теперь ей постоянно хотелось есть. Медвежатам молока не хватало и по их жадно горящим глазам, по бесконечной возне она понимала, что они голодны. Большая тощая медведица стала искать выход из создавшегося нелегкого положения.

Зева подошла ближе к болоту, где завалом громоздились полусгнившие деревья. Она стала с остервенением ворочать их, отыскивая сладкие личинки жуков-короедов. Но колодник еще не отошел от зимы, и личинок было ничтожно мало. Медвежат без присмотра она не оставляла ни на минуту. Зева по опыту прошлых лет знала, что ранней весной за ними неотлучно ходит опасность. Обычно медведи-одиночки просыпаются рано. В поисках пищи они рыщут по тайге, сокрушая все на своем пути. В эту пору ничто не может остановить их, не брезгают и медвежатами.

Зева по возможности всегда не торопила время, оставаясь в берлоге подольше. Но теперь Лось Хрип расстроил ее планы, помешал задержаться в берлоге. Зияющее отверстие под солнцем становилось все больше, талые воды рано выгнали ее из убежища. И медведице приходилось не только искать пропитание, но и быть осторожной вдвойне. Тайга – ее дом, но и она непредсказуема. Опасность ждет ее малышей за каждым деревом, за каждой колодой, у болота, в гари и у реки.

– Крэк-к, крэк-к, – торжествовал ворон.

Он каждое утро летал над Кедровой падью. Его раздражающий крик давно не нравился Зеве. И она не могла надолго оставить малышей.

Голод гнал вглубь тайги. Медвежата неотступно следовали за матерью. Зева вышла на охотничий путик, а по нему подалась к вершине ручья. Идти ей пришлось недолго. Скоро впереди показался просвет.

Медведица давно знала охотничью избушку. Всякий раз летом она оставляла рядом с ней на деревьях глубокие метки. Здесь ее земля, она – хозяйка. Другие медведи, зная ее свирепый характер, старались обойти стороной чужую территорию.

Сама она, неприступная и непримиримая, как будто оберегала таежное хозяйство человека от набегов сородичей. А охотник, в свою очередь, не трогал ее, не хотел зорить берлогу.

Избушку никто не тревожил, и она из года в год благополучно дожидалась хозяина. Сама Зева не смела заходить в полуоткрытую дверь. Обнюхав зимовье и лабаз, убедившись в своей безопасности, она всегда шла вверх по ручью, миновала Сочур и вновь возвращалась сюда, к кромке болота, где всегда можно было найти какую-никакую пищу. К избушке она навевывалась и летом, не позволяя ни себе, ни медвежатам озорничать в чужом жилье.

Вот и на этот раз, намереваясь обойти охотничье зимовье, она вдруг остановилась. Из-под навеса несло запахом тронувшегося мяса. Влажные ноздри медведицы нервно дернулись, в желудке засосало. Некоторое время Зева еще стояла в нерешительности, не смея войти в сени. Но лютый голод толкал ее туда, и ей ничего не оставалось делать, как подчиниться нарастающему желанию, изменить своему правилу.

Зева робко вошла в сени и сразу же нашла на полке ведро с оставшимся мясом. Поднявшись на дыбы, онахватила лапой полку. На землю полетели пахнувшие дымом тазы, кастрюли, забытый охотником небольшой кусок мяса вывалился из ведра. Медведица жадно набросилась на еду. Она не заметила, как проглотила мясо. Зева не заглушила голод, ей еще больше захотелось есть. Она посмотрела на приоткрытую дверь и зашла в избушку. Запах человека здесь давно выветрился. Пахло прелью и мышами. Над печкой висел свернутый в тюк ватный матрац, подушки и одеяла. Кружки, чашки, ложки, чайник по-хозяйски аккуратно прибраны на столе. В хлебнице медведица нашла кулечек сухарей и с аппетитом их съела. Затем сорвала тюк с пастелью и принялась в ярости рвать его. Ключья ваты, ленты старой материи захламили избушку. Медведица злилась. Поживиться больше нечем. Раздосадованная, Зева вышла на улицу, обнюхала избушку и, не найдя больше ничего съестного, повела медвежат в распадок.

Глава IV. Привидение

Медведица сидела под кедром и, покачивая головой, наблюдала за игрой медвежат. А малыши клубками катались по проталине, урчали друг на друга. Пестун Фур в играх участия не принимал. Хотя он еще не стал взрослым медведем, как мать, но и от детства далеко уже шагнул, на год вперед. Он с каждым днем мужал, и окружающий мир в его глазах становился совершенно другим, подозрительным и опасным. Фур хорошо понимал медведицу-мать, чувствовал каждое ее движение, угадывал взгляд, выражающий ее волю.

Последние дни мать упорно добивалась от него послушания, чтобы он следил за малышами, исполнял роль няньки. Фур вне берлоги чувствовал уже некоторую свободу, и ему совсем не хотелось возиться с несмышленными медвежатами. Но послушаться мать не смел. Стоило ей взглянуть на Фура, как он весь содрогался – в такие минуты робость овладевала им. Беззаботные неумные малыши все, больше докучали, пытаясь навязать ему игру, и он, досадливо вздыхая, смиренно отходил в сторону, с опаской поглядывая на мать.

С утра небо хмурилось. Над болотом стремительно неслись тяжелые низкие тучи. В тайге резко изменился ветер – леденящим сквозняком потянуло с севера. Накануне разомлевшие от тепла снега вновь затвердели. В лесу образовался хрустящий наст.

Совсем недалеко в Кедровую падь медленно, но настойчиво стал приближаться ровный моторный гул. Он слышался то рядом с медведями, настораживая их, то вдруг замирал, теряясь совсем.

Геологический профиль, по которому шел снегоход «Буран», в непроходимых поворотах Сочура делал большие объездные петли. Поэтому в густом темном лесу звук приглушался. Но стоило снегоходу выскочить из тайги на открытое место, то округа быстро наполнялась гулом мотора.

Зева, турнув медвежат на высокое ветвистое дерево, осторожно приблизилась к профилю, в конце которого стояла охотничья избушка. Не то чтобы страх, а больше любопытство гнало ее сюда. Она постоянно слышала в небе однотонные звуки моторов, особенно часто над Кедровой падью летали вертолеты. Резкий свист и хлопанье лопастей машины всегда пугали ее. Железная птица зависала над болотом. Из нее выпрыгивало много людей, как правило, с собаками. Это больше всего происходило осенью, когда попевала ядреная кедровая шишка и наливалась соком крупная клюква. Люди без опаски разбивали на кромке болота лагерь. Они вели себя развязно: жгли костры, безжалостно рубили и ломали молодой лес, сильно шумели и много смеялись.

В такие минуты Зева незамеченной уходила в потайное место от греха подальше и пряталась там, пока снова не прилетит вертолет.

Другой раз ночами, когда люди спали, она даже пыталась приблизиться к опасному лагерю, но трусливые собаки, поджимая хвосты, устраивали такой переполох, что медведица волей-неволей отказывалась от своих намерений.

За долгие годы скитаний она твердо усвоила: где побывали люди, там всегда будет беспорядок. Они непременно избавятся от прокисшего мяса или рыбы, выбросят зачерствевшие куски хлеба.

После себя люди оставляли гору бутылок и консервных банок. Среди этого хлама медведица находила себе лакомства.

Снегоход, примолкнув, остановился у избушки. Мужчина средних лет, коренастый и крепкий на вид, скинув рукавицы, сошел с машины. По седой бороде Зева узнала его. Но другого, худощавого человека, она видела впервые. Он шустро выпрыгнул из низких нарт, сделанных из самолетной лыжи, размахивая длинными руками, стал разминать занемевшие

ноги. Затем, стряхнув снег, направился к избушке. Но, не сделав и нескольких шагов, кинулся обратно к нартам, выхватил ружье, взял его наизготовку.

– Ты чего, Петря? – спросил его бородатый, удивленно вскинув глаза.

Длинный встревожено показал на наст:

– Глянь...

– Снова приснилось. Все-то тебе чудится чепуха какая-то, – рассмеялся бородатый, накрывая брезентом снегоход.

– Не до шуток, – резко ответил длинный, опасливо оглядываясь и всматриваясь в тайгу. Бородатый быстро подошел к длинному. На снегу увидел четкие отпечатки медвежьих лап.

– Этого еще не хватало, – недовольно буркнул он, направляясь к избушке.

В сенях будто Мамай прошел. На полу валялись ведра, кастрюли, капканы. Сверху немудреный охотничий скарб прикрывала оторванная полка. Развалена поленница дров. Охотник быстро вернулся к «Бурану», взял карабин и заглянул в избушку. Его встретило сиротливое разорённое зимовье: на полу валялась искореженная посуда, от постели остались жалкие лохмотья.

Охотник опустил на нары, закурил. Он стал сосредоточенно думать. Потом вышел на улицу и стал внимательно разглядывать снег.

– Собак не взяли, – пожалел Петря. – Может, вернемся, Маркелыч?

– Зачем?

– Он еще спрашивает! – взорвался длинный. – Прикрючить вражину. Беды не миновать.

– Тебе, Архипов, лишь бы крючить, – упрекнул охотник, поглядывая по сторонам.

– Молиться на него?

– Обмозгуем. Там видно будет.

– Так все ясно: наливай да пей, – продолжал запальчиво Архипов. – Впрочем, я не настаиваю. Хозяин барин, избушка твоя. Только вот боюсь, что и в моем зимовье медведь тоже побывал. Я с ним валандаться не стану. Не на того нарвался.

– Разошелся. Тоже мне, гроза! – остановил его Маркелыч, недовольно ухмыляясь.

– Это тебе всяку тварь жалко, а мне плевать. Раз живем на свете, – выпалил Архипов.

– Здесь аж четыре медведя было, – сказал Маркелыч, вздыхая.

– Че-е-е-тыре!?! Откуда столь! Ужас...

– Глянь на отпечатки... Медведица с медвежатами. Пестун с ними.

– Стерва... Заживо проглотит. Прижучим, – прошептал Архипов, опасливо оглядываясь.

Маркелыч хвастовства не переносил. Своим удрученным видом он дал понять напарнику, что разговор окончен. Охотник обошел вокруг избушки, пристально всматриваясь в лес, вернулся в сени и, поставив карабин к двери, взялся наводить порядок.

В сенях приладил на место полку, поднял с пола порожнее ведро, повертел его в руках, напахнуло кислотой. Охотник все понял. Он вспомнил: последний раз уезжал из тайги больным. Обветренные и обмороженные руки распухли, поднялась температура, тело ломало и корежило, бросало то в жар, то в озноб. Маркелыч боялся, как бы ни слечь больным в избушке, торопился выбраться из тайги. На скорую руку собирал скарб. Но запомнил, что в ведре осталось мясо.

Архипов матюгался, крыл медведей, на чем свет стоит. Вышвырнув на улицу растерзанный матрац, стал растапливать печь.

Маркелыч вышел на улицу, присмотрев низкорослую березку, стал обламывать мягкие прутья, чтобы сделать голик и подмести пол. Он медленно ломал их, складывая в пучок. И вдруг замер. Спиной охотник почувствовал жгучий посторонний взгляд. Его нервы напряглись, тело передернуло, стало жутко, не по себе. Затылком улавливать чужие глаза он научился на таежных тропах с годами. Это чувство знакомо ему. Сейчас он без сомнения угадывал, что

за ним стоит зверь, готовый броситься, растерзать. И в подтверждение его мыслей рядом подозрительно скрипнул снег. Снова наступила тишина, гнетущая, раздирающая сердце...

Охотник, не поворачивая головы, искоса бросил взгляд на избушку. До карабина не меньше десятка сажен. Подумал, что до оружия ему в любом случае не добежать, что, может, это его последняя минута в жизни. Случиться может так, что даже вскрикнуть не успеет. Но, тем не менее, он сейчас хотел, чтобы Архипов задержался в избушке, не вышел на улицу. Выскочит, беспутный, напугается, на шумит, стравит зверю, а сам умоет руки.

«Как быть?» – пронеслось в голове...

Когда снова скрипнул снег, Маркелыч уже не сомневался, что за спиной стоит медведица, сильная, беспощадная. Сгоряча охотник не почувствовал страха, но как огнем обожгло тело, сдавило виски, холодный пот выступил на лбу, горели уши, как в школе, когда учитель совестил за невыполненные уроки.

«Вот оно, шестое чувство!» – подумал он, и будто тяжелая медвежья лапа придавила его к земле.

Не теряя самообладания, охотник осторожно вынул нож из ножен и, как ни в чем не бывало припертый к березе сверлящим звериным взглядом, стал рубить ветки. С каждым медленным и осторожным взмахом подбадривал себя, освобождаясь от предательской дрожи в теле. Незаметно для себя расслабился. Резких движений старался не делать. Осторожно собирая в свободную руку ветки, стал медленно поворачиваться лицом к зверю.

Уже в полуобороте увидел медведицу. Худая и высокая, с длинной шерстью по бокам, она, напружинив тело, приготовилась к прыжку. Удлиненная морда зверя была чуть приподнята, из приоткрытой пасти длинной вожжей свисала тягучая слюна.

Это случилось в считанные минуты. Маркелыч не помнил себя. Все, что творилось вокруг, казалось, происходило вовсе не с ним. Он не чувствовал своего тела и делал все машинально, уже не думая о последствиях. Видно, разум еще руководил им, да охотничий опыт направлял его действия в нужное русло.

Охотник, улучшив момент, выставил вперед нож. Настал момент, которого он ждал и не хотел упустить, зацепился, как утопающий за соломинку.

Маркелыч строго и презрительно глянул в глаза медведице и, не моргая, уставился в ее черные сверкающие зрачки. Скоро он увидел, что гневный и решительный взгляд зверя стал медленно затухать. Медведица вдруг отвела глаза и посмотрела в сторону избушки.

Маркелыч внутренним чутьем понял, что напряжение зверя стало спадать. Переступив с ноги на ногу, она качнула головой.

– Чего уставилась? Не узнала? – как можно увереннее стал говорить охотник, с трудом подбирая слова. – Где оставила ребятишек? Понимаю: забот у ты прибавилось. Советую: не играй с огнем. Загинут они без тебя. Давай – ка шагай, мать, подбру-поздорову. Время еще есть... Ну...

Медведица снова посмотрела на человека. Будто соглашаясь, она опять чуть качнула большой головой.

А он, почувствовав уверенность, расхохотался:

– Напакостила... Чего ради? Мешал тебе? Который год знаю твою берлогу. От меня не схоронишься. Присматриваю за тобой. Зачем рано поднялась? Потревожил кто? Не валяй дурака, мать. Занимайся своими делами. У тебя забот хоть отбавляй. Дергай, пока не поздно...

Ветер раскачивал деревья. Тайга шумела. Низкие тяжелые тучи темнили небо, и, хотя до конца дня было далеко, на землю опустились сумерки. Пошел снег. Большие мокрые хлопья падали на охотника, на зверя, таяли на глазах, струйками скатывались на землю.

Медведица облизнулась. Уже исподлобья глядела на человека.

– Некогда мне. По делу приехал. Дрова заготовить к осени надо, а то распутица скоро. Не время с тобой тут шашни разводить. Не тяни понапрасну время. Архипов с перепугу попот-

чует тебя свинцом. Соображай... Мотай, девка, о ребятишках думай. Звери без тебя махом их приберут. Кому от этого польза? Тебе? Не думаю... Нам с тобой судьбой написано в мире и согласии жить. Кому нужна сейчас твоя паршивая шкура? С меня ты тоже много не урвешь. На жевок не хватает.

Бурая шерсть на холке зверя улеглась. Медведица, нерешительно потоптавшись на месте, развернулась и стояла к охотнику уже вполуборот.

– Я зла на тебя не держу, мать. Сам виноват. Понимаю! Голод не тетка. Только больше так не делай. В другой раз предусмотрительнее буду. Скоро хорошее тепло придет. До черемши как-нибудь дотянешь. Там полегчает. Ну, пора... – открыл охотник рот, не успев договорить. К нему, обогнув медведицу, вприпрыжку бежали два медвежонка, похожие на колобки. Они затормозили в трех метрах, с любопытством стали разглядывать его. Словно из-под земли вырос пестун. Он стоял рядом с матерью.

Смертью дохнуло в лицо охотника. Он ее видел явно и рядом. Его будто парализовало, он не только говорить, но и шевельнуться не мог. Но мгновенная слабость как пришла, так быстро и ушла. Пальцы, сильно сжимая нож, занемели. Маркелыч не чувствовал боли.

Медведица поднялась во весь рост. По свисающему на бок языку покатилась пена. Когти ее медленно расправлялись. Глаза наливались кровью. Она сделала к охотнику шаг... и другой. Маркелыч увидел, как у медведицы колыхнулись две большие груди с черными обсосанными сосками.

Широко разинув клыкастую пасть, медведица с силой харкнула. В охотника полетели зеленые сгустки пены. Один из харчков упал на спину медвежонка. Тот от неожиданности вздрогнув, попятился к матери.

– Вон, сука! – собирая последние силы, глухо закричал охотник, без памяти втиснувшись в березу.

Из трубы избушки густо повалил черный смоляной дым. Его качнуло ветром, расстелило по крыше, а потом, прижимая, понесло к земле. Тайга стала медленно наполняться сизовой дымкой. В избушке что-то стукнуло, брякнуло.

Медведица насторожилась и, приняв горизонтальное положение, загребла лапой первого попавшегося медвежонка, отшвырнула назад. То же сделала и с другим медвежонком. Описав пятиметровое сальто, они перевернулись в воздухе, шлепнулись на наст, обиженно мяукнули, прыжками помчались в таежку. За ними трусливо засеменял пестун.

Вскоре из зимовья шумно вывалился Архипов. В сенях, подхватив охапку дров, он вернулся и бросил их к печке. Маркелыч слышал, как поленья дробно застучали о пол. Затем Архипов снова появился на улице и, на ходу расстегивая ширинку, шагнул из сеней. Когда Петря приподнял голову – остолбенел. Его глаза стали расширяться. Он хотел что-то крикнуть, да так и остался стоять с покосившемся ртом, застывшей рукой на ширинке. Мотня штанов стала наполняться влагой. Архипов попятился, уронив на притоптанный снег стоявший у стены карабин.

– Ну, падла, еще шаг! – в беспамятстве вскрикнул Маркелыч.

Медведица будто поняла опасность. Она, развернувшись на месте, стремительно сделала большой прыжок назад и, распластавшись, помчалась вслед за медвежатами.

– Приведенье! – облегченно перевел дух Архипов, вытирая со лба выступивший пот. – Приведенье...

Маркелыч в теле вдруг почувствовал слабость. Сначала бросило в жар, потом стало знобить. Он, собрав последние силы, пошатываясь, доковылял до избушки и здесь безвольно плюхнулся на нары. Из-под шапки валил пар. Рубаха прилипла к телу, стало невыносимо душно.

Опомнившись, Архипов деловито посуетился у избушки, бесцельно забегал взад-вперед. Затем, подхватив ружье, кинулся за зверем, но, добежав до кромки болота, быстро вернулся назад.

– Не успел! – побелевшими губами прошептал он, часто вертя головой. – Я бы устроил ей скандал. По самую сурепицу врезал. Навек оставил память. Жаканом из двенадцатого. Не поздоровилось бы... Мало не покажется.

– Не зайчись, – слабо попросил Маркелыч, вытирая рукавом взмокшей рубахи пот.

– Кричать надо... Я бы мухой! – вспыхнул Архипов. Его редкую светлую бороденку трепал ветер. Щеки нервно дергались. Руки не находили места.

– Сдрейфил, говоришь? – уколел напарника глазами Маркелыч.

– Придумаешь тоже, – покраснел Архипов и вдруг вспомнил. – Ты чо мелешь-то?

– Чудо с глазами, – вздохнул Маркелыч. – Поди в штаны наклал?

– Сам-то не испугался? На мне отыграться хочешь.

– Хватит Ваньку валять. Только дурак зверя не боится. Медведи в сказках и байках покладистые.

– Чего не стрелял?

– Пальцем? – укоризненно посмотрел Маркелыч.

– Соображать надо, – фальцетом ответил Архипов. – Теперь вот можно двинуть следом. С медвежатами далеко не уйдет. Передохнул?

– Ишь ты... – удивился охотник и, помолчав, добавил. – Пусть живет. Она мне вреда не приносит. Сколь лет в одном лесу промышляем.

– А это не вред? – показал глазами Архипов на избушку.

– Ты жрать захочешь, так не то натворишь. Я тут как на грех мясо в ведре забыл. Приманка для зверя.

Архипов пристально посмотрел на охотника и уже умиротворенно стал говорить:

– Кореш у меня есть один. С иностранцами водится. У него с ними шуры-муры. Соображаешь? За берлогу долларов не пожалеет. Давай, впятую за медведицей, заметим берлогу, осенью толкнем, а?

– Пустомеля... Снова в штаны напрудил, – улыбнулся Маркелыч, искоса поглядывая на мотню Архипова.

– Это кто напрудит? Кто напрудит? – взорвался Архипов.

– Накла-а-адешь, – заверил таежник.

– Сам бы не наклал, – обиделся Архипов, цедя слова сквозь зубы. – Ополоснись иди...

– Такой разговор до добра не доведет, – остановил напарника Маркелыч. – Чай вскипел?

Обедаем, и каждый по себе.

В избушке тепло. На чайнике подпрыгивает и стучит крышка.

Маркелыч нарезал толстыми ломтями хлеб, достал лук, тушенку. Разлил по кружкам густо заваренный чай.

Архипов молчал. Он заметно потускнел. В свою избушку идти надо бы, капканы с зимы остались настороженными. Их, конечно, надо запустить. Да как теперь по тайге ходить. Одному несподручно и опасно, когда кругом голодные медведи бродят. Маркелычу не скажешь об этом. Мало того, что в пух разнесет за капканы, еще и посмеиваться начнет. Не ровен час, Госохотнадзору заложит. Греха не оберешься.

Архипову боязно. Поглядывая на таежника, он все больше хмурился, смотрел в окно, поживаясь.

День кончался и сумерки, напозая на лес, словно приглушали звуки уходящего дня. Медленно гаснущий темно-багровый закат еще озарял за болотом верхушки деревьев, но в тайгу уже шла ночь, темная, ветряная.

Маркелыч молча жевал, тоже поглядывая в окно. По яркому закату он понял, что следующий день будет теплым, радостным. Страсти, обуреваемые непредвиденной встречей с медведицей, улеглись. В мыслях он благодарил судьбу, что она и на этот раз спасла его, подарила жизнь. Разъяренная медведица стояла перед глазами, гордая, отчаянная. Себя в обиду не дала. Хорошо, что не оробел, – думал охотник. – Лишнее движение – и поминай, как звали. Вот она, нелегкая жизнь таежная, никому не нужная, мало оплачиваемая. Иным кажется, что в тайге рай небесный, птиц и зверей на каждом шагу. И все как в сказке: собачка полаивает, охотник постреливает. Задерет охотник ноги на нарах, а фортуна сама прет в зимовье, знай сумку подставляй да складывай. Здесь тебе ни беды, ни опасности. О «подвигах» таежной жизни охотника с бахвальством да с прикрасами рассказывают враки те, кто не знает жизни таежной, не испытал настоящего страха, не тонул в ледяной воде, не замерзал на потерянной лыжне, не блуждал в незнакомом лесу, не маялся длинную осеннюю ночь под мокрым снегом и дождем у слабого костерка.

Вот и Архипов показухой мается. Кому она нужна? «Детям сказки рассказывай», – тяжело вздохнул Маркелыч.

Архипов уходить не торопился. Исходя потом, кружку за кружкой пил чай.

Глава V. Непрошенный гость

Медведица не бежала, а, распластавшись, казалось, летела, не касаясь лапами наста. Она часто оглядывалась. Когда-то давно, еще, будучи молодой медведицей, Зева впервые увидела человека, познала ружье, причинившее ей боль. Тогда в тайге был страшный голод. Медведи подходили к жилью человека, где можно было найти съестное. Зеве повезло не сразу. Задавая большие круги, она долго присматривалась и принималась к пасеке, стоящей одиноко в тайге на берегу широкого ручья. Она сумела ночью разбить улей и съесть вместе с пчелами сладкий сотовый мед. Но пасечник собрал деревенских мужиков и организовал облаву.

Зеве мед понравился, она осмелела и даже днем решилась побывать на пасеке. Но там беспрестанно сновали люди. Они, качаясь, выходили на улицу, стучали кружками, много пили и горланили песни. Металлический бряк кружек настораживал Зеву. К вечеру гулянье притихло. Выждав день, медведица в сумерки перемахнула через изгородь. Улей был уже в лапах. Навстречу ей с крыши полыхнул огонь, и торжествующий крик человека резко полоснул ее по ушам. Пуля, со свистом раздирая воздух, воткнулась рядом в дерево. Зева бросила улей, перемахнула через изгородь и большими мхами рванулась в лес. Бежала до тех пор, пока не затихли голоса людей. Теперь она обходила пасеки стороной. Велико было желание повернуть к ульям, которые источали аромат. Но страх перед людьми всегда был рядом, не давал покоя.

На этот раз Зева вовсе не испугалась человека, инстинкт самосохранения руководил ею. Она вроде бы даже привыкла к бородатому безобидному соседу. Каждый раз осенью, в оттепели, когда еще не закрыто чело берлоги, она видела охотника поодаль. Измученные собаки быстро бежали по путику, торопились к избушке, где их ждал корм. За ними, как правило, впотьмах брел сильно уставший, сгорбленный под тяжестью ноши, охотник. Опираясь на палку, он еле переставлял ноги. Казалось, он готов был упасть, и ему не было дела ни до охоты, ни до нее, Зевы. Это начало и конец длинного таежного путика. А охотник спешил к зимовью, которое Зева хорошо знала. Он там передохнет, а утром, с новыми силами, пойдет уже в другую сторону. Она не раз видела бородатое лицо доброго охотника. И чувствовала, что он не причинит ей зла. Проходя мимо берлоги, охотник всякий раз с любопытством поглядывал в ее сторону. Но Зева никогда не видела так близко его глаз, острых, уверенный. Испугавшись их, она отступила. Темные зрачки охотника, казалось, прожгли ее насквозь, тронули сердце и заставили ее отказаться от пакостных намерений, погнали в тайгу, в самую глушь, где она всегда находила спасение.

Пронизывающего взгляда таежника было достаточно медведице, чтобы понять его бесстрашие перед опасностью. Она хорошо помнила и сладкую пасеку, и бешеный пламень ружейного огня, и неистовый свист пули, и крошево щепы, причинившего ей боль. С той поры уже не раз ее уносили от смерти крепкие ноги, которые не могли удержать ни глубокие снега, ни большие завалы, ни широкие реки.

Зева без труда разыскала кедр, на котором уже сидели присмирившие медвежата, когтями нервно царапнула кору. Это означало, что пора спускаться на землю.

Медвежата еще плохо понимали команды матери. И поэтому, удобно устроившись на толстых сучьях, любопытно крутили головами. Тогда мать, с пеной у рта, требовательно рыкнула. Фур, подтолкнув малышей, первым соскользнул вниз.

А снег все сыпал и сыпал, густой, непроглядный. Он ровным слоем ложился на хвойные лапы дремучего леса, на спины медведей, таял от тепла живого тела и крупными каплями скатывался по шерсти. Расходился ветер, сильно качая вершины деревьев.

Зева вела медвежат ближе к Сочуру. Здесь она была спокойна за малышей. Это ее запасная земля, где она в случае охотничьих неудач собирает подножный корм: коренья, травы, грибы, ягоды. Здесь же старая, на время заброшенная берлога.

Медведица шла под прикрытием деревьев и кустарников в противоположную сторону от строгого, упрямого человека, вводила детенышей, интуитивно выискивая под снегом натоптанные летом тропы.

Слякоть быстро опустила наст. Он уже плохо держал. Зева, широко растопырив ноги, старалась ступать легко, мостилась, чтобы не провалиться в глубокий снег. Но удержаться становилось все труднее, особенно на открытых местах. Она оступилась, утопая по брюхо в снегу. По сограм идти вовсе трудно. Зева брела, грудью пробивая снежную твердую корку наста, время от времени отдыхая.

Медвежат наст держал, и они шли рядом с матерью цепочкой. Шествие замыкал, как и должно быть, старший – пестун. Фур свою обязанность опекуна исполнял прилежно.

Семь уходила все дальше от опасной избушки – мать-медведица спасала своих детей.

Когда снегопад прошел, день почти угас. Скупые лучи блеклого солнца, выскользнув из-за туч, коснулись раскисших снегов.

Зева сильно устала и готова была остановиться в густом темнолесье. К счастью, впереди показалась полая река, перегородившая путь. Середину Сочура промыло, и отсюда недавно ушел лед. В воде валялся сушняк, бурелом, кустарники. Закрайки берегов из рыхлого льда темными лентами тянулись дальше по плесу, терялись за крутым ближним поворотом. Крутые яры с южной стороны освободились от снега. На кочках свежо зеленела резун-трава, ожили бородастые лишайники. Березы, осины, лиственницы еще не распустились, преобладала мрачно-ватая вечная зелень кедров, елей и пихт. Распушилась только верба. На ее ветках почки давно полопались, и из них выглядывали жучки-паучки, белесые комочки. Была ранняя весна, серая, не набравшая силу и мощь.

Для медведей это лихое время.

Зева выбрала высокое крутоярье. Не доверяясь тишине, она ревниво обнюхала деревья, траву, взад-вперед прошлась по берегу. Это место она плохо помнила. Поздно поняла, что страх перед охотником загнал ее слишком далеко. Осталась позади своя территория. Медведица на всякий случай решила сделать метку. Она подошла к толсто пихте, поднялась на задних лапах. Чуть выше ее головы зияло пять свежих борозд от когтей чужого медведя. Метка еще исходила липучей смолой. Вытянув по стволу правую лапу, Зева в нерешительности остановилась. Затем, повертев головой, с силой рванула сверху вниз пихтовую кору. Она лентами скатилась на корни. Метка Зевы оказалась намного выше чужой. Удовлетворенно уркнув, она подалась в мягкий пихтач, чтобы наломать мягких хвойных лап и сладить подстилку.

Медведица намеревалась задержаться здесь надолго. Она знала, что беспросветная хмарь скоро отступит, придет хорошее солнце, прогреет взгорки, и жизнь на берегу реки наберет полную силу; оживут муравейники, появится первая зелень: подснежники, медуница, лесные петушки. Черемша тоже не заставит себя долго ждать.

Мо непрерывно хныкала. Мать вспомнила, что давно не кормила малышкой. Усталая, она опустилась на подстилку и, откинув набок голову, закрыла глаза. Медвежата, прильнув к соскам, улеглись рядом и, как котята, мурлыча от удовольствия, с наслаждением стали чмокать губами.

Довольно серьезный и несколько самостоятельный Фур устроил себе лежанку чуть подальше. У него под кожей был еще небольшой запас жира, и голод так мучительно не донимал его. Он ревниво поглядывал на медвежат. С тех пор, как они появились на свет, Фур с недоверием относился к ним. Мать до их рождения всю заботу и внимание отдавала ему. Теперь она больше была с малышами. А он как-то незаметно отошел в сторону и был предоставлен самому себе. Но, тем не менее, не смел ослушаться мать. Она настойчиво заставляла присматривать за малышами, и он безукоризненно исполнял ее волю. Сильный шлепок Фур помнил хорошо. В свое время за любую провинность мать тузила его безжалостно. Фур не обижался – суровая

наука выживания была на пользу. Он мог уже самостоятельно добывать себе пищу. Но, тем не менее, нуждался еще в покровительстве строгой матери – она всегда защитит его от врагов.

Стайка хохлатых свиристелей оживленно суетилась на ольхе, перепрыгивая с ветки на ветку. В холодные края медленно, но уверенно шагала весна. Вслед за ней продвигались на север свиристели. Размеренный щебет птиц не пугал медведицу. Она дремала. Тревожное напряжение, не покидавшее Зеву даже в полусне, стало постепенно спадать. Она дремала, а перед ее мысленным взором вставали, наслаиваясь друг на друга, видения: то пасака, с громающими выстрелами, то обжигающие ее нутро глаза охотника у избушки.

Такие видения приходили к медведице, когда нервы ее были взвинчены, измотаны постоянной борьбой за свою жизнь, за жизнь детей, в голодные весны поисками пищи, опасностью во время медвежьих свадеб.

В такие дни чувство опасности не покидало ее ни во сне, ни наяву. И тогда она пряталась в глуши, куда не забредал ни только человек, но и редко бывали случайные медведи. Сейчас она уверилась, что была в безопасности.

Мальши, вытянув лапы, прижавшись к теплему животу матери, блаженно растянулись на подстилке. Фур, свернувшись клубком, поглядывал на реку.

Там стремительная вода ломала и крушила забереги, ожесточенно подхватывала лед, крутя, толкала его на середину. Ветер лениво покачивал на ярах прошлогоднюю высохшую осоку. Последние сморщенные ягоды шиповника старательно обклеивали красногрудые снегири. Они тоже спешили к Ледовитому океану.

К вечеру темные тучи разорвались. Блеснуло обнадеживающее солнце. Плотная стена снега безвозвратно ушла за Сочур и осталась там до утра.

Сон медведицы прервал осторожный шелест прошлогодней травы. Приподняв голову, она наострила уши. Тревожно защебетали свиристели, сорвались с ольхи и умчались за реку. Шумно взлетел искавший камешки в освободившемся от снега приярье глухарь. Он, свободно лавируя меж деревьев, выбрал сухой высокий кедр, устроился на нем, поглядывая вниз. Насторожился Фур. И сразу же из-за пригорка сначала показалась круглая голова с оскаленными клыками, а после появился сам медведь, коренастый, крепкий. Он шел спокойно, с явным наслаждением предстоящей встречи, шумно вдыхая запахи, принесенные ранней весной. В закате солнца его черная шерсть отливала. Он шел, как хозяин, твердо ступая на отвоеванную в смертельных схватках с пришельцами, теперь свою землю. Вся территория была помечена метками его крепких сильных когтей. Он был уверен, что никто другой, кроме него, не ступит сюда. А если кто-то придет незваным, то получит достойный отпор.

Для Зевы появление незваного гостя не было неожиданностью. Она видела чужие метки и в любое время была готова, чего бы то это ей не стояло, защитить медвежат. В такие минуты страшная сила копилась в ее мускулах, злости и изворотливости не было предела.

Увидев Пришельца, она раздраженно и обеспокоено зарычала, пытаясь остановить гостя. Но он уверенно приближался, не обращая внимания на ее недовольство.

Медвежата вскочили с подстилки, опасливо озираясь, прижались к матери. Медведица спрятала их промеж задних ног. Фур, оцетинившись и рыча, стоял чуть в стороне. Даже в нем росла кипучая медвежья злоба.

Тягучая липкая слюна заполнила пасть пришлого зверя. Он был сильно голоден и, увидев медвежонка, забыл про месть. Пришелец уверенно сделал большой прыжок в сторону пестуна. Неизвестно, какая трагедия бы произошла в эти минуты, если бы верткий, хорошо обученный матерью, готовый к экстремальным ситуациям Фур ловко не увернулся.

Зева кинулась на врага так стремительно и свирепо, что тот опешил. Пришелец, в свою очередь, поднялся на задние лапы и, оскалив страшную пасть, сделал шаг к медведице. Пена клубами спадала на землю – ярость быстро захватила и его. Медведица тоже поднялась во весь рост.

Медвежата злобно рычали, подражая матери.

Ловкий и сообразительный Фур, улучшив момент, прыгнул к малышам и ловким движением лапы подтолкнул их к ели. Мо послушно вскарабкалась на дерево. Бэр стал сопротивляться. Тогда пестун отвесил ему мощный шлепок под зад, с силой толкнул к дереву. Когда брат был уже на середине кедра, пестун вскарабкался следом.

Медведица не сводила глаз с Пришельца. Она понимала, что каждое необдуманное движение грозит ей поражением, но внутренний чутьем угадывала, что творится у нее за спиной. Она слышала, как сопротивлялся и ревел Бэр, не слушаясь старшего брата. Отметила отчетливый шлепок пестуна и была довольна действиями Фура. Безопасность детенышей придала медведице силы. Уверенная в себе, она смело ступила навстречу противнику. Пришелец, рыча, тоже подался вперед. Медведи встретились, как два борца-тяжеловеса, стоя на задних лапах. Каждый испытывал силу противника, злобно буравя глазами друг друга и, замерев на мгновение, выбирали подходящий момент для решительного броска. Но каждый из них не решался сделать этот шаг.

Тайга притихла, будто перед бурей. Перестали щебетать пичуги. Краснобровый глухарь давно улетел за Сочур и скрылся в беспредельной гари. Наступила настораживающая тишина.

День кончался и сумерки, наползая на лес, приглушали звуки уходящего дня. Гаснущий закат слабым отблеском еще озарял вершины деревьев.

И вдруг в эту благодать ворвался дикий рев. Зева, почувствовав неприятное прикосновение лап противника, ощерила пасть. Пришелец вздрогнул, видно, от неожиданности, завертел головой. Опытная в боях медведица, собрав все силы, хлестко стукнула незваного гостя лапой по морде. Потеряв равновесие, он упал на землю. Веря в удачу, Зева навалилась на него грудью, схватилась с ним насмерть. Пришелец пытался когтями пройтись по животу медведицы, но она, разъяренная, вцепилась ему в горло. Медведь, задыхаясь, извернулся, отбросил медведицу и отпрыгнул в сторону. Зева снова сделала стремительный прыжок, не давая опомниться противнику. А он, рыча, неловко отбивал удары.

Пришелец задом пятился к яру. Он давно был рад отступить и признать неудачу, но сильная медведица была неумолима. Она, казалось, вобрав в себя силы четырех медведей своего семейства, безжалостно и хлестко мутузила обидчика. Она защищала своих беспомощных детей. На короткое время драка прервалась. Медведи стояли морда к морде, грудь в грудь, рыча и сверля друг друга ненавидящим взглядом. Но это продолжалось недолго. Пришелец торопливо вздохнул и отрывисто выдохнул нагретый воздух. Зева это посчитала за оскорбление. Она была сурова и беспощадна. Медведица, улучшив момент, снова вгрызлась в холку противника. Он же с ожесточением отшвырнул ее, сам приготовился к смертельному прыжку, выбирая открытые уязвимые места медведицы. Но задние лапы Пришельца скользнули по мокрой траве, и он, потеряв равновесие, кубарем покатился под яр. Там отряхнулся и, отказавшись от своих намерений, уныло побрел по темному берегу туда, откуда пришел. Он уже не был таким лощеным. Мокрый, с помятой шерстью, он казался уродливым и жалким.

Зева, потеряв к противнику интерес, торжественно подняла голову и долго смотрела вслед незваному гостю. Ее темная фигура выделялась на фоне светлого заката. В ней угадывались величие и сила...

Высокий лес шумел и поскрипывал: он, словно радовался, что в жестокой неравной борьбе одержана еще одна блестящая победа за продолжение рода-племени, за драгоценную жизнь, дарованную Всевышним, которая для каждого живого существа мелькнет коротким лучиком и скоро ожжет раствориться в безысходности, превратиться в небытие...

Глава VI. В разложье Сочура

Росомаха Росса, выбрав потаенное место под кустом, зализывала раны. Левая задняя лапа еще сильно болела. Когда после удачной охоты Росса сутками спала, то боль немного утихала. Но стоило росомахе выйти в тайгу, как рана снова начинала кровоточить. Росса хорошо запомнила двухпружинный крепкий капкан, замаскированный на охотничьем лабазе с мясом, и самого бородатого охотника.

Зимой голод гнал ее следом за лосями, мигрирующими на юг. В многоснежье охота не удавалась, и отчаявшаяся Росса в поисках удачи рыскала по гари, где к ночи лоси останавливались на жировку. Целую неделю она шла за ними, караулила, но подходящего момента выбрать никак не могла, чтобы одним прыжком оказаться на спине зверя и, вцепившись зубами в шею, перекусить жизнедеятельный лен.

Большую часть пути звери продвигались на юг по болотам и гарям. На открытых местах они чутки и осторожны. К тому же гари сплошными плантациями покрывали мелкий осинник и березняк. Росса не раз пыталась бесшумно подойти к одинокому сухому дереву, где отдыхали звери. Но каждая попытка быть незамеченной, заканчивалась для нее неудачей.

В ноябре на смену слякоти пришел мороз. Снег перестал валить. В мелкопустье звери останавливались на долгую жировку. В этот день, казалось, природа смилостивилась над бедной Росой и послала удачу. Тогуш-сеголеток незаметно отбил от матери. Но в момент решающего сильного прыжка из-под увала раздался треск сучьев – и сильный зверь с огромными рогами ворвался в стадо. Лоси, вскочив с лежек, бросились врассыпную, скрылся и тогуш. Могучий зверь остановил их. Стадо скоро доверилось великану. Это был непобедимый Хрип. После осенних свадеб он жил в одиночестве. И вот теперь, увидев пришлых лосей, заставил их поверить в него, признать себя победителем. Когда Хрип взял стадо под свою опеку, надежды на охоту у Россы совсем иссякли.

Едва на землю опустились сумерки, гонимая голодом росомаха пустилась на поиски удачи в другой конец гари, где могло пастись другое стадо. Она шла осторожно, но даже под мягкими лапами снег скрипел. Над лесом висела огромная светлая луна и частые мерцающие звезды. День еще не кончился. От долгого голода живот Россы подвело. Он, казалось, прилип к позвоночнику. За последние дни ей удалось поймать и съесть только колонка. К такой охоте она прибегала крайне редко. Вонючий колонок вызывал у нее отвращение и застревал в горле.

Росса поднялась на взгорок, по которой пролегла широкая лыжня. Не решаясь ступить на нее, росомаха пошла вдоль, принохиваясь и прислушиваясь к морозному воздуху.

Теперь Росса, ведомая лыжней, шла, не зная куда. Она понимала, что надо идти, во что бы то ни стало найти поживу. Рассчитывать нужно только на себя, на свой большой опыт, ловкость и удачу.

– Крэк-к-к! – глухо раздалось в стороне.

Росса знала, что в это время суток воронье уже спит.

Она остановилась. Это был, конечно, ее старый знакомый, большой черный ворон. Он не раз помогал ей в беде: наводил на пасущихся лосей, указывал на падаль. Конечно, Росса предпочитала свежее мясо, но в дни неудач довольствовалась и жалкими остатками от трапезы Крэка. Старый ворон никогда не лгал. Его голос, громкий и резкий, не похожий на карканье другого воронья, Росса распознавала без труда. Росомаха всегда была ему рада, потому что Крэк никогда не скрывал своей находки.

По пути Росса настороженно осматривалась в поисках хоть какой-нибудь добычи. Она уже подходила к осиновому колку, где часто отдыхали лоси. И вдруг ее привлек сильный запах, которого раньше никогда не было здесь. Увидела сильно притоптанный снег и замерзшие, растерзанные вороньем кишки. Кровь и остатки желудка зверя чернили снег. Рядом высились

высокие колья, на верхних концах которых был сделан редкий настил из жердей. Сверху проглядывало свежее мясо. Оно благоухало зовущее, нестерпимо вкусно. Это было мясо лося. Росса могла распознать его среди сотни других кусков. Этот запах дурманил ей голову, непостижимо манил. Но здесь пахло и человеком. Она не раз видела на путике бородатого охотника и всегда сторонилась его. Россе казалось, что охотник намного хитрее, и в любое время ждала от него подвоха. Вот и сейчас она почувствовала знакомый и отталкивающий запах потного охотника. Вокруг лабаза были натянуты чуть заметные глазу белые тонкие нити. Под слабым движением воздуха они слегка шевелились и настораживали ее. Росса постояла, глотая слюну, затем медленно обошла вокруг убоища лося, осторожно подошла к остаткам. Но съестного уже ничего не осталось. Прожорливое воронье давно растерзало и растащило поживу.

Пока Росса выслеживала лыжню, ночь спустилась над гарью. Полная луна высвечивала бескрайние белые просторы. Сгустки ярких звезд облепили небосвод, и оттого, что они часто мигали, Россе казалось, что им так же холодно, как и ей. Похожий на обрубок короткий хвост нестерпимо мерз. Она поближе подошла к залабаженному мясу и наверху увидела темное подрагивающее пятно. Это ворон Крэк, поленившийся засветло улететь в убежище, дремал, от сытости прикрыв глаза. Птица насторожилась.

– Крэк-к-к-к, – простуженным голосом недовольно каркнул ворон и, оторвавшись от мяса, скрылся в ночи. Запах мяса все больше притягивал Россу. Она, задав еще круг, осторожно подошла к волнующему месту. Она знала, что наверху лабаза опасно, но все же решилась на дерзкий поступок. Да и нахальный ворон, видно, не один день жировал здесь. Он жив и здоров. Все это притупило чувство опасности и она, ощущая жажду добычи, уцепившись когтями за кол, резко бросила сильное тело наверх.

Плотно сооруженный из жердей настил, придавленный тяжелыми кусками мяса, долго не поддавался. Чтобы забраться на лабаз, росомахе нужно было проделать лаз. Но когти скользили по мерзлому дереву, срывались: настил не давал подняться наверх, и она кубарем катилась вниз. Это ее еще больше злило. От нелегкой работы она разогрелась. И когда жердь была перегрызена, добралась до поживы. С жадностью набросившись на мясо, Росса забыла про опасность. Она рвала и глотала большие куски вкусной, кровянистой, чуть подстывшей на морозе лосятины. Когда подмерзшее мясо не поддавалось, росомаха упиралась ногами о твердь, тянула его на себя. И тут произошло нечто странное. Под ней лязгнул металл, и левая лапа оказалась зажатой в крепкие, неподдающиеся челюсти. Росса в отчаяние метнулась по лабазу, пытаясь освободиться, но нога немела, и нестерпимая боль жгла пальцы. Росомаха пыталась грызть толстую цепь, но железо не поддавалось. Зубы крошились, и из десен текла кровь. Она не выдержала и закричала. Крик перешел в стонущий вопль, переходящий в глухой низкий бас и хриплое рычание...

Всю ночь Росса металась и мучилась и лишь к утру легла сверху на мясо в изнеможении. Она уже не хотела есть. Неволя тяготила ее.

С рассвета в отдалении появился бородатый охотник. Скрипя лыжами по затвердевшей лыжне, он торопился к лабазу. Росомаха, издали увидев человека, напружинилась и зарычала, вкладывая в этот рык всю злобу на перехитрившего ее коварного охотника, на свою слепую доверчивость, на безысходность. Ей казалось, что пришел ее последний час, и она, слабо надеясь на благополучный исход, резко рванулась и, не удержавшись на скользком мясе, полетела вниз. Росса мчалась по потаенным местам. Она не чувствовала боли, но, когда страх отстал, поняла, что левая лапа ранена.

Росса залегла в непроходимой таежке, подпирающей гать с южной стороны и стала зализывать кровоточащую рану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.